

1999, 1967, 23 июля

В ПОИСКЕ

КАЛУЖСКИЙ драматический театр—один из старейших в стране. Уходящий сезон 191-й.

Разумеется, не одним только возрастом определяется зрелость театра.

Пожалуй, наиболее полно творческое лицо театра раскрывается в его работах о наших современниках и прежде всего в спектаклях по пьесе Л. Леонова «Нашествие» и по роману Д. Гранина «Иду на грозу». Оба поставлены главным режиссером театра В. Ефремовой.

Понятия «современник» и «современность» мы зачастую несколько сужаем, как-то уж очень по-житейски ограничиваем, подменяем представлениями лишь о сегодняшнем дне и делах. Между тем и люди Великой Отечественной войны, и нынешнее молодое поколение, хоть и разделенные дорогой времени длиною в четверть века, но связанные самым духом этого времени.

Постановщик спектаклей, исполнители глубоко ощущают эти непреложные связи. Вот почему в прочтении театром леоновского «Нашествия» нет оттенка мемуарности, холодной академичности что ли, а в «Иду на грозу» за внешней эффектностью сюжетной проблемы не стирается, не отступает на второй план живая вязь человеческих отношений.

В калужской драме театральная форма, метод разработки характеров, стилистика актерского исполнения очень различные, контрастны даже. В «Нашествии», например, В. Ефремова не «испугалась» самого что ни на есть бытового интерьера (художник М. Янковский)—комната, в ней вполне настоящий стол, какие-то другие очень домашние предметы... Однако комната эта отделяется от зрителя световым занавесом—узкими лучами, бьющими с боков, навстречу друг другу. Герои просматриваются сквозь этот чуть заметный световой барьер и будто бы удаляются во времени, но и остаются здесь, с нами.

Применен кстати: всякое подозрение на архаичность снимается само собой, а принцип «далекое—близкое» становится своеобразной путеводной нитью для всего режиссерского решения спектакля. В героях как бы затушевано все то, что с годами не могло не стать второстепенным, случайным, зато резко оттенены главные, основные черты—непокорный, негибаемый характер русского человека врача Таланова (В. Урусов), спокойная уверенность борца—у коммуниста Колесникова (Ю. Заборовский), хищная хватка хозяйчика Фаюнина (И. Басов).

Весь подбор изобразительных средств вызывает ощущение монументальности и особой значительности происходящего. Отсюда и проблемы, затронутые в пьесе, воспринимаются как проблемы животрепещущие, непреходящие, поставленные сегодня...

Как и в «Нашествии», в спектакле «Иду на грозу» театр привлекает прежде всего морально-этическая сторона дела, философия человеческих отношений. По существу все здесь подчинено разрешению нравственного конфликта между карьеристом Тулиным (А. Тюрин) и подлинным ученым Крыловым (Ю. Заборовский). Сдержанность и точность актерского исполнения, естественность игры как нельзя лучше тому помогают. И лишь нарочито «модное» оформление спектакля (художник А. Тарасов) вступает в заметное противоречие со стремлением театра проникнуть в самую глубину коллизии, выглядит несколько поверхностным, в значительной степени иллюстративным. Кстати, грозовые тяжелые тучи на заднем фоне, упрямо сопутствующие по воле художника происходящему, создают этакую мрачность, которая местами плохо вяжется с оптимистическим строем спектакля в целом.

Но это издержки частные. «Нашествие» и «Иду на грозу» убеждают: калужский театр ищет, думает, находит...

Л. НОВОГРУДСКИЙ.